

С. Г. Осьмачко

Сталинизм и историческая наука (1920–1930-е гг.): идеологизация методологии

В статье рассмотрено влияние сталинизма – советской общественно-политической системы и идеологической конструкции – на развитие исторической науки.

По мнению автора, конфликт политических интересов и объективности исторической истины в условиях тоталитарного режима привел к тому, что наука утратила статус значимой сферы общественного сознания, поскольку было осуществлено полное подчинение исторической науки требованиям партийно-идеологической системы, а любая научная альтернатива сталинистскому варианту исторического истолкования стала невозможной. Историческая концепция уступила место лозунгу, тезису, она отныне обслуживала интересы власти, соответствующим образом представляя прошлое («выгодное прошлое»).

Утилитаризм сталинского режима в отношении исторической науки проявлялся на апологетическом и воспитательном уровнях: в первом случае речь идет об исторических обоснованиях значимости вождя, правильности проводимого им курса; во втором – история (как научная и образовательная система) понимается как средство государственно-патриотической мобилизации.

К числу направлений сталинской идеологизации исторической науки можно отнести обязательность партийности, огосударствление, политическую монополию на историческую истину, системную фальсификацию, умолчание, запрещение контактов с зарубежными историками, репрессии в отношении истории и историков, отказ от личностных подходов, детерминистское доктринерство, «декретный метод», схематизацию и пр.

Ключевые слова: сталинизм, историческая наука, историческая истина, историческая методология, идеологизация исторического знания, историческая фальсификация, репрессии, «декретный метод» исторического изложения.

S. G. Osmachko

Stalinism and Historical Science (the 1920–1930th): Ideologizing of Methodology

In the article influence of Stalinism – the Soviet political system and the ideological construction – on development of historical science is considered.

According to the author, the conflict of political interests and objectivity of the historical truth in conditions of the totalitarian regime led to that the science lost the status of the significant sphere of public consciousness as full submission of the historical science to requirements of the party and ideological system was carried out, and any scientific alternative to Stalin's option of historical interpretation became impossible. The historical concept gave a way to the slogan, the thesis, since that time it served interests of the authorities, representing the past in a certain way ("the favourable past").

Utilitarianism of the Stalin regime concerning the historical science was shown at the apologetic and educational levels: firstly, it concerns historical justifications of the importance of the leader, correctness of the course done by him; secondly, the history (as a scientific and educational system) is understood as a means of the state and patriotic mobilization.

It is possible to refer to Stalin ideologizing the following ones: party membership, nationalization, political monopoly for the historical truth, system falsification, omission, prohibition of contacts with foreign historians, repressions concerning history and historians, refusal of personal approaches, a deterministic doctrinaire attitude, "a decretive method", schematization and so on.

Keywords: Stalinism, historical science, historical truth, historical methodology, ideologization of historical knowledge, historical falsification, repressions, "a decretive method" of the historical statement.

Вред политизации науки в аспекте целеполагания очевиден: в политике главенствуют интересы, в науке – истина; подчинение науки утилитарным политическим интересам лишает ее статуса значимой сферы общественного сознания. Любая политическая система стремится использовать прошлое в интересах настоящего, и здесь важнее всего вопрос меры. К сожалению, 30-е гг. XX в. стали тем периодом, когда «мощность идеологического прессы оставила только самую узкую нишу для беспристрастного летописца» [13, с. 221]. С этого периода (и надолго), как отмечают современные историки, начинается полное подчинение исторической науки требованиям партийно-идеологической системы, ликвидация любой научной альтернативы сталинистскому варианту марксизма (с прекращением научных поисков в нем самом).

Уже в 1930 г. профессор Сорбонны Альбер Матъез (с 1928 г. – иностранный член-корреспондент Академии наук СССР) писал, что в СССР «история перестает быть независимой и покорно уступает давлению всемогущей политики, которая навязывает ей свои концепции, свои очередные лозунги, даже свои очередные выводы» [3, с. 662]. О том, что советская историческая наука представляла собой научно-политический феномен, «гармонично» встроенный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей, позже писали многие исследователи [1, с. 37; 5, с. 96–97; 6, с. 204; 12, с. 52–68 и др.].

И. В. Сталин признавал только ту науку, которая укрощала его пьедестал; только апологетические «изыскания» имели право на существование; 17 мая 1938 г., выступая с речью на приеме работников высшей шко-

лы в Кремле, вождь заявил: «Я говорил о науке. Но наука бывает всякая. Та наука, о которой я говорил, называется передовой. За процветание нашей передовой науки!» [11, с. 3].

Утилитарный подход сталинского режима проявлялся на апологетическом и воспитательном уровнях. В первом случае речь идет об исторических обоснованиях значимости вождя, правильности проводимого им курса; во втором – история (как научная и образовательная система) понимается как средство государственно-патриотической мобилизации народной массы, а всеобщее школьное образование – как «основной проводник государственной идеологии» [7, с. 104]. В октябре 1959 г. увидело свет постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школе», в котором на историческое образование возлагалась задача «воспитывать молодежь в духе коммунистической идейности и морали, нетерпимости к буржуазной идеологии, в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, глубокого уважения к труду и способствовать подготовке учащихся к активной общественной жизни» [2, с. 289]. Сегодня имеется также немало желающих превращать школу в кузницу идеологически «правильных» граждан.

Можно выделить следующие направления сталинской идеологизации исторической науки:

1. Навязывание обязательной партийности (в значении подлинной научности); постановка субъективно понимаемой политической целесообразности выше объективности.

2. Огосударствление (административно-директивные методы управления, неограниченное вмешательство вышестоящих инстанций в процесс исторического поиска, цензура, репрессии и пр.).

3. Признание исключительного права вождя на написание и истолкование истории.

4. Прямая фальсификация исторического прошлого (уже с 1923 г. начинается приписывание Сталину заслуг других исторических деятелей, затем возникает живая концепция «двух вождей Октября» [16, с. 138] и мн. др.). Работа над текстом отчетного доклада ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии, Сталин произвольно (на сотни миллионов пудов) завысил показатели производства зерна, резко увеличил – вопреки реальности – парк сельскохозяйственной техники; манипулируя «послушным большинством», вписал в «нужные» места указания: «Взрыв аплодисментов», «Общий смех», крики «Великому Сталину – ура!», «Да здравствует товарищ Сталин!», «Нашему любимому Сталину – ура!» [17, с. 6]. Естественно, что эти указания неукоснительно выполнялись номенклатурной кликой любого форума.

5. Историческое умолчание о неудобных политических фигурантах, уничтожение тех, кто мог пролить свет истины на недавнее прошлое, ограничение доступа к исторической информации, изъятие книг, цензура и пр.

6. Запрещение контактов с зарубежными историками, историческими школами и т. п.

7. Насилие в отношении историков, исторических школ, издательских коллективов. Чтобы историки «знали свое место», на них уже в 1920-е гг. обрушились репрессии (пострадали С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, В. Г. Дружинин и мн. др.). Научно-кадровый потенциал исторической науки был окончательно подорван в 1930-е гг. Жесткий контроль за историческими исследованиями осуществлялся не только путем репрессий, но и методом обязательного предписывания. В качестве источника официоза использовались догмы вождя, официальные идеологемы в партийно-государственных изданиях. То или иное мнение Сталина объявлялось «аксиомой большевизма», дальнейшая разработка таких тем почиталась ересью. «Тезис “всем известно” в устах Сталина и его присных, – писал А. Н. Мерцалов, – звучал как приказ о прекращении дискуссий» [10, с. 6].

8. Показателен в этом отношении случай с В. П. Бузескулом, известным византинистом и историком науки, в том числе славяноведением, в 1922 г. избранным академиком. Он предложил прочитать в Харьковском университете три курса – «Западноевропейская историография», «История культуры» и «История социальных отношений и идеология». Ознакомление с обстоятельными записками и программами планируемых курсов говорит о серьезности намерений видного ученого. Но 24 марта 1923 г. в методическом комитете Укрпрофотбора на эти документы была наложена следующая резолюция: «Ввиду того, что представленные программы основных предметов не соответствуют материалистическому пониманию истории – считать их неприемлемыми» [14, с. 173–174].

9. Отказ от антропологических подходов в методологии, что привело к недостаточной проработке тем, связанных с деятельностью исторических личностей; навязывание вульгарно понимаемого марксистского экономического детерминизма.

10. Давящий приоритет закона перед фактом, массы перед личностью, общечеловеческого над национальным.

11. Фрагментарная идеологизация прошлого (мол, в деятельности вождя, партии, страны «все было хорошо»), навязывание так называемого «декретного метода» (априори признание в исторических описаниях всех партийно-государственных решений, постановлений выполненными).

12. Выработка определенного типа ученого-историка, соответствующего тоталитарной системе. Этот процесс шел как по линии профессионального образования, так и в сфере адекватного морального поведения. Историк был нужен, если только считал себя «бойцом партии». Профессионально-этическая деформация, являясь условием научного (и даже физического) выживания, затронула всех. Б. Д. Греков в статье «И. В. Сталин и историческая наука» делал вывод «о гигантской роли И. В. Сталина в развитии исторической науки. Все мероприятия теоретического и практического характера, научные исследования и педагогическая работа историков в Советском Союзе вдохновляются И. В. Сталиным, – писал историк. – Последова-

тельное проведение в жизнь советскими историками указаний И. В. Сталина – великого вождя и ученого – является залогом дальнейшего расцвета исторической науки» [4, с. 256]. Для того, чтобы существовать в этой «идеологической мясорубке» (А. Н. Сахаров [15, с. 7]), историк должен был обязательно «играть по правилам» системы.

13. Разработка и внедрение определенных схем создания исторических трудов (прежде всего по истории XX в.). Степень давления на историков была различной: представители специальных, вспомогательных исторических дисциплин находились в более комфортном положении – власть ограничивала их меньше, чем историков, например, советского периода. Именно здесь сложилась довольно примитивная «технология» разработки исторических тем, своего рода алгоритм изложения, куда входили:

- подбор соответствующих цитат из опубликованных работ классиков марксизма-ленинизма (в 1930–1950-е гг., прежде всего, Сталина);

- учет и внедрение актуальных политических установок из партийно-государственных документов (демонстрация направляющей и организующей роли коммунистической партии и ее вождя);

- выстраивание разрешенных фактологических массивов;

- разработка «правильных» исторических персоналий;

- пафосно-патетический стиль и тон изложения и оценок прошлого и настоящего, подчеркивание («в голубых и розовых тонах») безупречности выбранной стратегии, действий вождя;

- обязательное указание превосходства всего советского над «несоветским», особенно западным;

- постоянные ссылки на подрывную антисоветскую деятельность внутренних и внешних врагов и т. п.

Что же произошло с историей в результате этой сталинистской идеологической прививки? Она, увы, перестала быть наукой (несмотря на имевшиеся отдельные достижения). Сталинизация исторического знания породила феномен «монументальной истории», в которой царствовал догматизм, субъективизм, эклектизм, вульгаризация, одиозный подход и мелкотемье (сегодняшнее стремление части исследователей «уйти в детали» в ущерб исследованию прошлого в целом – прежде всего, наследие 1930-х гг. [9, с. 69]).

Провинциализм и вопиющую пошлость этой ситуации в декабре 1934 г. в одном из своих писем тонко подметил И. П. Павлов: «Если бы нашу обывательскую действительность воспроизвести целиком, без пропусков, со всеми ежедневными подробностями – это была бы ужасающая картина, потрясающее впечатление от которой на настоящих людей едва ли бы значительно смягчилось, если рядом с ней поставить и другую нашу картину с чудесно как бы вновь вырастающими городами, днепростроями, заводами-гигантами и бесчисленными учеными и учебными заведениями» [8, с. 7–8].

Библиографический список

1. Афанасьев, Ю. Н. Феномен советской историографии [Текст] // Советская историография. – М.: РГГУ, 1999. – С. 7–64.
2. Вестник Архива Президента Российской Федерации. История – в школу: создание первых советских учебников [Текст]. – М., 2008. – 754 с.
3. Герасименко, Г. А. О взаимовлиянии тоталитаризма и исторической науки в СССР [Текст] // Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М.: Наука, 1994. – 712 с.
4. Греков, Б. Д. И. В. Сталин и историческая наука [Текст] // И. В. Сталину – Академия наук СССР. – М.: Издательство АН СССР, 1949. – 470 с.
5. Дубровский, А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) [Текст]. – Брянск: Изд-во Брянского государственного университета им. академика И. Т. Петровского, 2005. – 320 с.
6. Колчинский, Э. И. Наука и эмиграция: судьбы, цифры, свершения [Текст] // Науковедение. – 2003. – № 3. – С. 200–216.
7. Кормина, Ж. Военная присяга: к истории одного перформатива [Текст] // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 1. – С. 104.
8. Лебина, Н. О пользе игры в бисер. Микроистория как метод изучения норм и аномалий советской повседневности 20–30-х годов [Тема] // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы. – СПб.: Нева, 2000. – С. 3–16.
9. Маньковская, И. Л., Шарапов, Ю. П. Культ личности и историко-партийная наука [Текст] // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 5. – С. 54–73.
10. Мерцалов, А. Н. Становление и освоение прошлого [Текст] // История и сталинизм. – М.: Политиздат, 1991. – С. 3–67.
11. Неужин, В. А. Бурные аплодисменты, переходящие в овацию... [Текст] // Независимая газета. – 2003. – 16 октября. – С. 3.
12. Платт, Кевин М. Ф. Репродукция травмы: сценарии русской национальной истории в 1930-е годы [Текст] // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 2. – С. 52–68.
13. Репина, Л. П., Зверева, В. В., Парамонова, М. Ю. История исторического знания [Текст]. – М.: Дрофа, 2004. – 318 с.
14. Робинсон, М. Русская академическая элита (1910–1920-е годы) [Текст] // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 1. – С. 170–179.
15. Сахаров, А. Н. Историческая наука на перепутье [Текст] // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М.: Наука, 1996. – С. 3–21.
16. Троцкий, Л. Д. Сталинская школа фальсификаций [Текст] // Вопросы истории. – 1989. – № 7. – С. 74–162.
17. Чернышов, В. Б. Аплодисменты, переходящие в овацию: Как Сталин работал над подготовкой отчетных докладов ЦК съездам партии [Текст] // Гласность. – 1990. – 29 ноября. – С. 6.

Bibliograficheski spisok

1. Afanas'ev, Ju. N. Fenomen sovetsoj istoriografii [Tektst] // Sovetskaja istoriografija. – M.: RGGU, 1999. – S. 7–64.
2. Vestnik Arhiva Prezidenta Rossijskoj Federacii. Istorija – v shkolu: sozdanie pervyh sovetsojkh uchebnikov [Tektst]. – M., 2008. – 754 s.
3. Gerasimenko, G. A. O vzaimovlijanii totalitarizma i istoričeskoj nauki v SSSR [Tektst] // Rossija v HH veke: Istoriki mira sporjat. – M.: Nauka, 1994. – 712 s.

4. Grekov, B. D. I. V. Stalin i istoricheskaja nauka [Tekst] // I. V. Stalinu – Akademija nauk SSSR. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. – 470 s.
5. Dubrovskij, A. M. Istorik i vlast': istoricheskaja nauka v SSSR i koncepcija istorii feodal'noj Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.) [Tekst]. – Brjansk: Izd-vo Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika I. T. Petrovskogo, 2005. – 320 s.
6. Kolchinskij, Je. I. Nauka i jemigracija: sud'by, cifry, svershenija [Tekst] // Naukovedenie. – 2003. – № 3. – S. 200–216.
7. Kormina, Zh. Voennaja prisjaga: k istorii odnogo performativa [Tekst] // Neprikosnovennyj zapas. – 2004. – № 1. – S. 104.
8. Lebina, N. O pol'ze igry v biser. Mikroistorija kak metod izuchenija norm i anomalij sovetskoj povsednevnosti 20–30-h godov [Tema] // Normy i cennosti povsednevnost' zhizni: Stanovlenie socialisticheskogo obraza zhizni v Rossii, 1920–1930-e gody. – SPb.: Neva, 2000. – S. 3–16.
9. Man'kovskaja, I. L., Sharapov, Ju. P. Kul't lichnosti i istoriko-partijnaja nauka [Tekst] // Voprosy istorii KPSS. – 1988. – № 5. – S. 54–73.
10. Mercialov, A. N. Stanovlenie i osvoenie proshlogo [Tekst] // Istorija i stalinizm. – M.: Politizdat, 1991. – S. 3–67.
11. Nevezhin, V. A. Burnye aplodismenty, perehodjashhie v ovaciju... [Tekst] // Nezavisimaja gazeta. – 2003. – 16 oktjabrja. – S. 3.
12. Platt, Kevin M. F. Reprodukcija travmy: scenarii ruskoj nacional'noj istorii v 1930-e gody [Tekst] // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2008. – № 2. – S. 52–68.
13. Repina, L. P., Zvereva, V. V., Paramonova, M. Ju. Istorija istoricheskogo znanija [Tekst]. – M.: Drofa, 2004. – 318 s.
14. Robinson, M. Russkaja akademicheskaja jelita (1910–1920-e gody) [Tekst] // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2002. – № 1. – S. 170–179.
15. Saharov, A. N. Istoricheskaja nauka na pereput'e [Tekst] // Rossija v HH veke: Sud'by istoricheskoi nauki. – M.: Nauka, 1996. – S. 3–21.
16. Trockij, L. D. Stalinskaja shkola fal'sifikacij [Tekst] // Voprosy istorii. – 1989. – № 7. – S. 74–162.
17. Chernyshov, V. B. Aplodismenty, perehodjashhie v ovaciju: Kak Stalin rabotal nad podgotovkoj otchetnyh dokladov CK s#ezdam partii [Tekst] // Glasnost'. – 1990. – 29 nojabrja. – S. 6.